

АФОРИЗМЫ

Русские
мыслители

От Ломоносова
до Герцена

В. Г. Носков

Афоризмы. Русские мыслители. От Ломоносова до Герцена

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5687964

*Афоризмы. Русские мыслители. От Ломоносова до Герцена: Мир
энциклопедий Аванта+, Астрель; М.; 2010
ISBN 978-5-98986-417-1, 978-5-271-29700-7*

Аннотация

В сборник вошли афоризмы, глубокие оригинальные высказывания видных деятелей русской культуры XVIII–XIX веков: Ломоносова, Новикова, Фонвизина, Батюшкова, Пушкина и многих других. В большинстве своем это цитаты из произведений, неизвестных широкой аудитории. Они позволят читателю обогатить свой интеллектуальный багаж и дадут частичное представление о настроениях, бытовавших в общественной жизни той давней эпохи. Книга может быть полезна учащимся, журналистам, а также всем, кого интересует история отечественной философской мысли.

Содержание

ОТ НЕВЕГЛАСИЯ К ВЕРШИНАМ МЫСЛИ	4
БОГ И ЧЕЛОВЕК	13
ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА	24
ПОЗНАВАЕМОСТЬ МИРА	35
ЖИЗНЬ ЗЕМНАЯ И ВЕЧНАЯ	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владимир Носков Афоризмы. Русские мыслители. От Ломоносова до Герцена

ОТ НЕВЕГЛАСИЯ К ВЕРШИНАМ МЫСЛИ

В прошлом году в серии «Библиотека мудрости» издательства «Аванта+» вышел сборник «Русская классика в афоризмах. Золотой век». Настоящая книжка не только дополняет предыдущую, но и расширяет временные ее рамки. Представлены авторы XVIII века – славные предтечи деятелей золотого века русской культуры. И XIX века – времени ее расцвета. И не только потому представлены, что их мысли, суждения любопытны сами по себе. Более широкий исторический обзор позволяет читателю основательнее проследить пути-перепутья отечественной мысли.

I

Конечно, каждый человек мыслит, рассуждает, высказывает свое мнение по множеству вечных и сиюминутных вопросов. И все-таки мыслителями принято называть тех людей, кто делает это профессионально, для кого труд ума, любовь к мудрости – смысл жизни.

В первую очередь к мыслителям относят философов. Здесь не время и не место разбираться в том, чем философская мысль отличается от прочих. Зато уместно напомнить, что еще недавно в нашей стране оригинальной, системной философии не было вообще. Не зря Н. О. Лосский (1870–1965) начинает свою «Историю русской философии» с анализа работ славянофилов и западников, а это уже середина XIX века. Да что там философия – зачатки социального сознания, широкого просвещения появились при Петре Великом, насаждались его державной дубиной. Раньше попытки не удавались – типографию Ивана Федорова, например, москвичи сожгли, а сам мастер бежал во Львов. Навсегда.

Первый историк русской философии Густав Шпет (1879–1937) назвал периоды Киевской и Московской Руси по-старинному – «невегласием». В те времена книжность удовлетворяла лишь религиозные потребности, да и то с пятого на десятое. «Сколько древние русские *поучения* и *слова* говорят о низком культурном уровне, о дикости нравов и об отсут-

ствии умственных вдохновений у тех, к кому они обращались, столько же они свидетельствуют об отсутствии понимания задач истинной умственной культуры у тех, от кого они исходили». Народ на Святой Руси был благочестив, но невежествен до того, что при Борисе Годунове едва треть населения знала «Отче наш», не говоря о других молитвах. Густав Шпет видел причину столь плачевного положения в огромной политической и идеологической ошибке: «Нас крестили по-гречески, но язык нам дали болгарский. Что мог принести с собой язык народа, лишенного культурных традиций, литературы, истории?» В итоге только бахвальство: Москва – третий Рим, но обойдемся без «еллинских борзостей» и пакостного латинства. Просветитель Юрий Крижанич (1617–1683) даже из тобольской ссылки обещал величие России и единение славян, заодно учил власти «немцев избегать и ненавидеть их, как дьяволов и драконов». У них, у немцев, до того дошла «телесная распущенность», что в горнице на пол плюнуть нельзя: служанка тотчас подотрет...

Петр Великий решительно прервал традицию невегласия. Он многого сделать не успел, но вектор российской жизни изменил бесповоротно. И если в XVIII веке науки и искусства стали робко давать обнадеживающие ростки, то философия в ее национальном характере – растеньице нежное, ей заботливый садовник нужен. Традиция нужна, школа. На выучку по воле императора пошли к тем самым немцам. Лейбниц и Вольф лично способствовали еще Петру, потом стали

авторитетами Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель. Нет, конечно, и Вольтером баловались, и англичанами, но больше для фронды, а у немцев именно учились. Десятилетиями накапливался, сортировался и отливался в недрах родного языка необходимый для самостоятельного мышления инструментарий – терминология, понятийный аппарат, категории диалектики. В итоге братья Аксаковы заспорили с Чаадаевым и Герценом, а там и до гениальных прозрений Владимира Соловьева рукой подать.

(К нашей теме не относится, но уж очень хочется напомнить, что учеба учебе рознь и ученик ученику тоже. Авторитет немцев как учителей обернулся для России очередной роковой ошибкой. Слишком прагматично, по зубрежке, а не по духу восприняли у нас Маркса в политике, а Ницше в искусстве. Чем эта инерция ученичества обернулась в XX веке – слишком хорошо известно. А ведь сам Маркс дважды ехидно замечал: я, мол, кто угодно, только не марксист. Но русские студенты, учась на рубеже веков в Марбургах и Гейдельбергах, всего Маркса не читали, их вполне устраивал «Коммунистический манифест». Что уж говорить о пресловутом рабочем классе.)

II

Итак, национальной философии в XVIII веке не было, но это не значит, что не было социальной мысли. А вместе с ней,

вместе со всеми общественными движениями бурно развивался и язык.

Вообще любой востребованный обществом язык — «живой как жизнь» и изменяется, обогащается вместе с жизнью. А для русского в ту эпоху были особенные условия. Развитие промышленности, освоение новых земель, закладка будущих городов (то на Урале Татищевым Пермь и Екатеринбург, то у «синего моря» Потемкиным Одесса и Николаев), новые международные связи... Ломоносов в 1764 г. сетует: «Между тем издана во Франции карта американских морских путешествий Чирикова и Берингова», а мы опаздываем! За век, от силы полтора, язык стал другим настолько, что сегодня мы не можем понимать без перевода переписку Ивана Грозного и Андрея Курбского. Да что там Грозный! Вяземский в 1823 г. писал: «Язык Ломоносова в некотором отношении есть уже мертвый язык». Между тем именно Ломоносов «преобразовал язык наш, созидая образцы во всех родах» (Батюшков, 1816).

У нас справедливо подчеркивают выдающуюся роль Пушкина в становлении современного языка. Не забудем только, что гений много создает, а еще больше завершает, закрепляет, венчает дело многих. Пушкин на грани веков дремал то в крестьянской зыбке, то в классической колыбели; то Арина Родионовна его баюкала, то хариты с Лелем качали. А Карамзин и братья Тургеневы писали уже вполне по-пушкински, и мы их прекрасно понимаем.

Где язык – там и литература. В бездонную копилку изречений писатели и поэты, критики и публицисты всегда вносили гораздо более весомый вклад, чем философы. Объяснений по крайней мере два – прозаическое и поэтическое.

Давно известно, что в любой области знания специалисты вынуждены создавать свой специфический, отличный от расхожего язык. На таком специальном языке даже русские слова звучат иностраннее латинских, а уж многоэтажноеTM, неуклюжести его предложений позавидовали бы строители Вавилонской башни. Такой язык с легкой руки Герцена (см. «Былое и думы», гл. XXV) называют «птичьим». Редкие ученые мужи этот недостаток сознают, еще меньше умеют доходчиво, популярно излагать свои мысли. А афоризм, меткое изречение не совместимы с «птичьим» языком: если ученому вдруг повезет найти удачную крылатую фразу, она сразу заставит его добавить свежести, легкости и другим местам своего сочинения.

Второе объяснение ярко обосновал французский философ и математик Рене Декарт: «Может показаться удивительным, что великие мысли чаще встречаются в произведениях поэтов, чем в трудах философов. Это потому, что поэты пишут, движимые вдохновением, исходящим от воображения. Зародыши знания имеются в нас наподобие огня в кремне. Философы культивируют их с помощью разума, поэты же разжигают их искусством воображения, так что они воспламеняются скорее». Поспорить с аргументацией

Декарта можно, но сам факт неоспорим. Чтение хорошей изящной литературы развивает способность мыслить значительно скорее, нежели ученые труды по логике. Да и читать их приятнее – в трактатах редко искрометные фразы, чеканные афоризмы, остроумные сентенции.

Существенно то, что в России тех времен никакой другой общественной трибуны, кроме литературы, не было. Она поневоле заменяла и парламент, и суд присяжных, и другие демократические институты, и еженедельные издания с их неизбежной, но в меру необходимой «желтизной». Отсюда публицистичность, кураж всех этих многочисленных басен, записок (якобы сугубо личных), авантюрных и плутовских романов. А в публицистике – как обойтись без меткого слова, без ироничной насмешки? Это к тому, что среди русских мыслителей литераторы на первом месте.

III

Иной читатель может сказать, что по четкости и краткости, по красоте изложения суждений писатели начала Золотого века (тем паче их предтечи) сильно уступают нашим современникам – лучшим представителям афористики. Это правда, до Евгения Евтушенко или Игоря Губермана им далеко. Да только какой толк судить их строго – ведь они по сути еще школяры, учатся в классах Шамфора и Лихтенберга, Паскаля и Монтеня. К тому же специально афоризмы они

писали редко, других забот на общественной ниве хватало. Вот погодите – заявит о себе Козьма Прутков... Но наследство, которое они нам оставили, драгоценно само по себе, без привлекательной упаковки. Не эвристичнее ли вчитаться в их размышления повнимательнее?

Тем более что очень многое из написанного двести лет назад злободневно и сегодня. Ну, человеческие пристрастия, пороки и душевные подвиги – это понятно, это вечное для всех. Но в нашей стране веками одни и те же грабли, и мы даже гордимся ими, наступаем на них с упоением и гордостью. Такой у нас характер, особенный такой. А изучение и толкование его началось именно в XVIII веке.

Как правило, самые удачные, ставшие классическими афоризмы (народные поговорки, пословицы) – плод коллективного творчества на протяжении десятилетий, а то и веков. Дени Дидро как-то заметил: «Среди покойников находятся такие, которые приводят в отчаяние живых», а спустя поколения эта мысль обрела броское и запоминающееся выражение в поговорке: «Мертвый хватает живого». Блестящий Вяземский долго и нудно упрекал Мицкевича за то, что тому не хочется писать, не рассчитывая на благодарного читателя. А наша современница Новелла Матвеева заменила уговоры резонера эффектной насмешкой:

Жалок тот, у кого идиотства хватает
Не писать, потому что его не читают.

Кто поэт, тот поет и на острове голом,
Где от мира вдали он один обитает.

Без зачинателя Барклая не было бы завершителя Кутузова. Всегда кто-то должен начинать, бормоча про себя формулу Пикассо: ты делаешь первый, а потом приходит второй и делает это красиво. Возможно, счастливый читатель этой книжечки увлечется какой-то глубокой, оригинальной, но несколько коряво для нашего уха выраженной мыслью. И озвучит ее в своем изложении, а другим останется завистливо восхищаться шедевром.

Пользоваться книгой легко. Каждая цитата в сборнике снабжена набором чисел. Первое после имени автора число – это порядковый номер произведения в указателе имен и произведений. Далее идут номера частей или глав – в зависимости от объема произведения. Бывает, что часть или глава не имеет нумерации, тогда приводится ее название. Так что каждый читатель может взять указанное произведение и прочесть его полностью или просто проверить составителя.

Владимир Носков

БОГ И ЧЕЛОВЕК

О Боже, что есть человек?
Что Ты ему Себя являешь,
И так его Ты почитаешь,
Которого толь краток век...

(М. В. Ломоносов, 2)

Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет.

(М. В. Ломоносов, 11)

Однако многие суть и в христианстве столько богонеистовые, которые нас клятвенно и ныне уверяют, что они, особливо в недугах, действительно видели рай и ад и что первый представлялся им прекраснейшим садом, преисполненным веселия, а другой преужасным котлом, клопочущим несгораемую некоею жирною материею, и что они при всем таком привидении, будучи с душою и телом на сем жилище, видели Бога, которого они и в гадании не познают, лицом к лицу, и дьяволов также... Словом, от невещественных привидений больше суеверия, многобожия и зла рождается в све-

те, нежели от каких других причин.

(Д. С. Аничков, 1, 2)

Простой и непросвещенный народ склонен к многобожию и закосневает в оном.

(Д. С. Аничков, 1, Положения)

Невежественные токмо народы понимают Бога страшным и неприступным в своих мыслях.

(Д. С. Аничков, 1, Положения)

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб – я червь – я Бог!
Но, будучи и столь чудесен,
Отколе произошел? – безвестен;
А сам собой я быть не мог.

(Г. Р. Державин, 4)

Благоразумнейший монарх во своем выборе может ошибиться; но Всевидящий не может обмануться, следовательно, по справедливости можем мы то для себя великою че-

стию почитать и тем гордиться, что Бог нас из многих других возможных веществ в человек избрал, человеками создал и человеками сотворил.

(Н. И. Новиков, 5)

Итак, сия мысль, что Всевысочайшее существо беспрестанно об нас помышляет и преимущественно пред всеми другими творениями об нас печется, не долженствует ли вперять в нас почтение к самим себе?

(Н. И. Новиков, 5)

...За деньги самого Всевышнего Творца
Готовы обмануть и пастырь и овца.
Что дурен здешний свет, то всякий понимает,
Да для чего он есть, того никто не знает.

(Д. И. Фонвизин, 1)

Бог потому и всемогущ, что не может делать ничего другого, кроме блага; а дабы сия невозможность была бесконечным знамением Его совершенства, то постановил Он правила вечной истины для Самого Себя непреложные, по коим управляет Он вселенною и коих, не престав быть Богом, Сам преступить не может. Государь, подобие Бога, преемник на земле высшей Его власти, не может равным образом ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, как постановив в государстве своем правила непреложные, осно-

ванные на благе общем и которых не мог бы нарушить сам, не престав быть достойным государем.

(Д. И. Фонвизин, 3)

Сам Бог в одном Своем качестве существа всемогущего не имеет ни малейшего права на наше повиновение... Все право на наше благоговейное повиновение имеет Бог в качестве существа всеблагого... Существо всеблагодетельному может ли быть приятно повиновение, вынужденное одним страхом?

(Д. И. Фонвизин, 3)

...У кого чаще всех Господь на языке, у того черт на сердце.

(Д. И. Фонвизин, 4, 5, 4)

Святоше кто поверит,
Когда он с Богом лицемерит?

(В. В. Капнист, 7)

Что Богу нужды нет в молитвах, всякий знает,
Но можно ль нам прожить без них?

(И. И. Дмитриев, 6)

Я шел по улице и остановился перед печатным объявлением, приклеенным к стене одного дома; оно окружено было

множеством отрывков старых и новых, оставшихся от объявлений, которые были в разное время приклеены на том же месте: одни были свежи, другие стары, третьи совсем истлели и позеленели от сырости. Это картина света. Здесь все для прохожего, для души человеческой. Все, и в частной и в общественной жизни; самые общества, века, империи и народы не что иное, как эти объявления для проходящего. Читай и пользуйся. Мир существует только для души человеческой. Бог и душа – вот два существа; все прочее – печатное объявление, приклеенное на минуту.

(В. А. Жуковский, 8, 20 января 1821 г.)

...Нужны катехизисы, то есть положительные догматы, которые бы удерживали библейскую беспредельность. Хороших у нас еще нет, но и везде были они поздним явлением. Оттого стражи Церкви запрещали вход в Библию без провожатых, то есть без комментариев и без проповедников.

(А. И. Тургенев, 13)

В одном я уверен: нам не время быть протестантами. Мы скороспелки легких умов...

(А. И. Тургенев, 13)

...Библия есть только закон нравственный, всеобщий источник законов частных и положительных.

(А. И. Тургенев, 13)

Моя судьба в руках у Бога:
И что мне может человек?

(Ф. Н. Глинка, 3)

Вечные законы установлены не для человека, но для человечества... Люди умирают, но человечество не ведает смерти.

(Ф. Н. Глинка, 8, 10)

Повинуемся судьбе не слепой, а зрячей, ибо она есть не что иное, как воля Творца нашего. Он простит слабость нашу: в Нем сила наша, а не в самом человеке, как говорят стоики.

(К. Н. Батюшков, 8)

Систематики забывают, что человек, сей царь, лишенный венца, брошен сюда не для счастья минутного, они забывают о его высоком назначении, о котором вера, одна святая вера ему напоминает.

(К. Н. Батюшков, 11)

Первый наш долг: благодарность к Творцу. Но для исполнения его надобно начать с людей. Провидению угодно было связать чрез общество все наши отношения к Небу.

(К. Н. Батюшков, 14)

Бог искупил человека. Искупленному человеку предоставлена свобода повиноваться или Богу, или диаволу, а чтоб свобода эта вынаружилась непринужденно, оставлен диаволу доступ к человеку.

(Игнатий, 1, О прелести, 1 часть)

Сновидения, посылаемые Богом, носят в самих себе неотразимое убеждение. Это убеждение понятно для святых Божиих и непостижимо для находящихся еще в борьбе со страстями.

(Игнатий, 1, О сновидениях)

Святой Дух действует самовластно, как Бог; приходит в то время, как смирившийся и уничиживший себя человек отнюдь не чаает пришествия Его. Внезапно изменяет ум, изменяет сердце. Действием своим объемлет всю волю и все способности человека, не имеющего возможности размышлять о совершающемся в нем действии. Благодать, когда будет в ком, не показывает чего-либо обычного или чувственного, но тайно научает тому, чего прежде не видел и не воображал никогда...

Напротив того, при демонском явлении всегда предоставляется свобода человеку рассудить о явлении, принять или отвергнуть его.

(Игнатий, 1, О отшельнической жизни)

От Бога имеем и бытие, и пакибытие, и все естественные свойства, все способности, и духовные, и телесные. Мы – должники Богу! Долг наш неоплатам! Из такого воззрения на себя образуется само собой для нашего духа состояние, противоположное «мнению», состояние, которое Господь называл нищетою духа, которое заповедал нам иметь, которое ублажил.

(Игнатий, 1, О прелести, 11 часть)

Не проси, если можешь не просить ничего у Бога; отдайся с самоотвержением в Его волю.

(Игнатий, 1, Зрение греха своего)

Напротив того, кто считает себя готовым к приятию благодати, кто считает себя достойным Бога, ожидает и просит Его таинственного пришествия, говорит, что он готов принять, услышать и увидеть Господа, тот обманывает себя, тот льстит себе; тот достиг высокого утеса гордости, с которого падение в мрачную пропасть пагубы.

(Игнатий, 1, Зрение греха своего)

Когда с тобою Господь, – надейся на победу: Господь не может не быть победителем.

(Игнатий, 1, О любви к ближнему)

Жертва, благоприятная Богу, – смирение сердца, сокрушение духа. С гневом отвращается Бог от жертвы, приносимой с самонадеянностью, с гордым мнением о себе.

(Игнатий, 1, О любви к Богу)

...Сын Божий, прияв человечество, содел ел аля Сыном Человеческим, и братию Свою, сынов человеческих, соделывает сынами Божиими.

(Игнатий, 3)

Первое пришествие Его было пришествием Искупителя... второе пришествие будет пришествием Судии для принятия отчета от человечества в поведении человечества относительно дарованного ему Богом божественного искупления.

(Игнатий, 4)

...Богу благоугодно, чтоб самовластие наше было испытано, куда оно приклонится.

(Игнатий, 5, 1)

Люди, произвольно следующие внушениям своего сердца, действующие самовластно, не престают при том быть и орудиями, слепыми орудиями Божественного Промысла, по бесконечной премудрости и всемогуществу этого Промысла.

(Игнатий, 7, 1)

Относительно правила молитвенного – знайте, что оно для вас, а вы не для него, но для Господа. Почему имейте свободу с рассуждением. При немощи убавляйте, при силе прибавляйте – и то и другое с умеренностью и осторожностью...

(Игнатий, 7, 5)

Христос, снисшедший на землю для грешников, а не для праведников, доселе пребывает *невидимо, но вполне существенно* между людьми, совершая великие знамения и исцеления, – будет, по неложному обещанию Своему, пребывать между нами до скончания века.

(Игнатий, 7, 60)

А ты хочешь определить законы действия милосердия Божия, говоришь: это согласно с ним, это ему противно! – Оно согласно или несогласно с твоим здравым разумом, с твоими понятиями и ощущениями! – Следует ли из того, что Бог обязан понимать и чувствовать, как ты понимаешь и чувствуешь?

(Игнатий, 8, 177)

Религии всегда учреждались и держались на горячем сердце и крепком кулаке.

(А. И. Герцен, 5, 4)

Призвание мышления в том и состоит, чтоб развивать вечное из временного!

(А. И. Герцен, 8, 2)

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

...Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

(М. В. Ломоносов, 4)

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы Божества
Там равна сила естества.

(М. В. Ломоносов, 4)

Кто родился к тому, чтоб вечностью забавляться, тому
приятнее жить в полях, рощах и садах, нежели в городах.

(Г. С. Сковорода, 2, 7)

Кто на погоды или урожай сердится, тот против самого
Бога, Всестроящего, сердится.

(Г. С. Сковорода, 2, 11)

...Человек зрит себя быть естество слабое, лишенное оде-
яния, не могущее само собою ни пропитания себе сыскать,

ни защититься от нападающих на него диких зверей, ни бегством спастись от опасности.

Колико в нем величества и подлости!

(М. М. Щербатов, 3)

...Мы не можем еще приметить никакого ущерба в естестве человеческом, и потому не можем и измерять различные рода человеческого преуспевания, возвышения и низвержения...

(С. Е. Десницкий, 3)

Между тем человек со всеми дарованиями, находящимися в нем, тогда только является в полном сиянии, когда взираем мы на него яко на часть бесконечной цепи действительно существующих веществ... Ни единый человек не может ни мыслить, ни делать благородно, когда он, возвышаясь благородною гордостью, не будет почитать себя важною частию творения.

(Н. И. Новиков, 5)

Царь один веселий час
Миллионом покупает,
А природа их для нас
Вечно даром расточает.

(И. И. Дмитриев, 15)

Впрочем, всему есть время; хотя Природа и не стареет, так, как многие, даже натуралисты, думают, но несмотря на то все еще можно принять сие частное (местное) оскудение в силах ее; ибо чего она лишает нас в одном месте, то вознаграждает она в другом; здесь слабеют или и совсем теряются силы ее, – там они снова развертываются; если мы верим Провидению, то не будем беспокоиться, но лучше уверимся, что, конечно, не только некоторые местные действия Натуры не прежде ослабели, но и целые роды существ не прежде потерялись в природе, как исполнив уже намерение, с которым они сотворены были.

(А. И. Тургенев, 1)

Полудикие племена, кочующие в дальних степях, не имеют великолепных городов и пышных палат, но зато незнакомы с заботами и горестями, гнездящимися в них!

(Ф. Н. Глинка, 5, 1, Описание Отечественной войны, 21 сентября)

...Для блага человека несравненно полезнее обрабатывать поверхность земли, нежели рыться во глубине ее!

(Ф. Н. Глинка, 5, 1, Описание войны 1813 года, 14 апреля)

Много насмотрелся я на свете и на людей. Я видел картину жизни народов, пастырей и звероловцев, видел я степные

юрты киргиз-кайсаков и горные аулы татарских племен. Ни юрта, ни чертоги не изменяют человека и страстей его. Везде уважают богатство, везде повинуются силе... Но и понятие о верховном существе повсеместно, и имя добродетели известно всем народам земли, и вот что утешает человека!.. Добро и зло, радость и горе сменяются, как день и ночь.

(Ф. Н. Глинка, 6, 2, 3)

Для человека нечестолюбивого, но чувствительного и влюбленного в красоты природы, *сияние полной луны* в прекрасный летний вечер приятнее *сияния* всякой короны.

(Ф. Н. Глинка, 6, 3, Мысли)

...Истинно дорогих вещей в свете так мало, и они, по благодати Вышнего, так близки к человеку, что совсем не нужно придавать желаниям крылья, а стоит только, так сказать, протянуть руку, чтоб достать все, что нам истинно необходимо; поверь мне, вещей из чистого золота очень мало: все почти мишура и позолота, которую мы же сами и для собственных наших мук наводим на предметы вожделений наших.

(Ф. Н. Глинка, 8, 8)

В уединении... время принадлежит мудрецу и мудрец сам себе; в уединении, прибавлю я, все принимает важный и торжественный вид.

(К. Н. Батюшков, 3)

Природа, благая мать смертных! Ты начинаешь наказывать преступника, оскорбителя прав твоих, прежде законов человеческих.

(К. Н. Батюшков, 15)

Бой стихий, противоречий,
Разногласье спорных сил —
Все поправил ум человеческий
И расчету подчинил.

(П. А. Вяземский, 25)

Если обладаете вы хотя одною частицею той всеобъемлющей, предвечной, неизменной мудрости, которая управляет природою, сохраняет и развивает ее, то скажи нам — что хорошего выдумали вы или сделали на пользу природы, коей составляете важную и нераздельную часть?..

(О. И. Сенковский, 4)

Я не могу же нарушить коренного закона природы из уважения к твоим добродетелям!..

(О. И. Сенковский, 7)

...Спать после обеда есть, очевидно, закон самой природы...

(О. И. Сенковский, 8)

Я думал... как в наш век
Усовершенся, вырос человек,
В своем быту, в развитии отважном
Своих идей какую бездну сил
Природы он себе поработил!
И как легко и верно правит ими
Теперь уже, а что еще вперед,
Что сделает он силами такими,
Когда им даст повсюдный, полный ход?
Лет через сто – какой переворот!

(Н. М. Языков, 31)

Природа не для всех очей
Покров свой тайный подымает;
Мы все равно читаем в ней,
Но кто, читая, понимает?
Лишь тот, кто с юношеских дней
Был пламенным жрецом искусства,
Кто жизни не щадил для чувства,
Венец мученьями купил,
Над суетой вознесся духом
И сердца трепет жадным слухом,
Как вещий голос, изловил!

(Д. В. Веневитинов, 1)

Знание в обширном смысле есть согласие природы с умом.

(Д. В. Веневитинов, 9, 2)

Верующий снам подобен гонящемуся за своей тенью и покушающемуся поймать ее.

(Игнатий, 1, О сновидениях)

...С природой человек не соперничает, не боится ее, и оттого нам так легко, так свободно в одиночестве; тут совершенно отдаемся впечатлениям; пригласите с собой самого близкого приятеля, и уже не то.

(А. И. Герцен, 1, 2, 5)

Когда душа носит в себе великую печаль, когда человек не настолько сладил с собою, чтобы примириться с прошедшим, чтобы успокоиться на понимании, — ему нужна и даль, и горы, и море, и теплый, кроткий воздух; нужны для того, чтобы грусть не превращалась в ожесточение, в отчаяние, чтобы он не зачерствел. Хороший край нужнее хороших людей.

(А. И. Герцен, 4, 1)

Нам так чуждо все бескорыстное, так дешево все настоящее, что и в вечном колыпании природы человек невольно ждет чего-то — следующей волны, развязки... вот теперь, ка-

жется, что-то да выйдет... кажется, что теперь, а волна опять разлилась и шумит, шурстя камнями, которые утягивает с собой вглубь, чтобы при первом ветре выбросить их снова на берег.

(А. И. Герцен, 4, 1)

...Должно быть, на людей бывает урожай, как на виноград.

(А. И. Герцен, 5, 2, 1)

Природа есть именно существование идеи в многообразии...

(А. И. Герцен, 6, 2)

Природа и науки – два выгнутые зеркала, вечно отражающие друг друга; фокус, точку пересечения и сосредоточенности между оконченными мирами природы и логики, составляет личность человека.

(А. И. Герцен, 6, 4)

Обратимся к природе: неясная для себя, мучимая и томимая этой неясностью, стремясь к цели, ей неизвестной, но которая с тем вместе есть причина ее волнения, она тысячами формами домогается до сознания, одолевает все возможности, бросается во все стороны, толкается во все ворота, творя бесчисленные вариации на одну тему В этом поэзия жизни, в этом свидетельство внутреннего богатства.

(А. И. Герцен, 6, 4)

Жизнь есть сохраняющееся единство многообразия, единство целого и частей; когда нарушена связь между ними, когда единство, связующее и хранящее, нарушено, тогда каждая точка начинает свой процесс; смерть и гниение трупа – полное освобождение частей.

(А. И. Герцен, 8, 1)

...Законы мышления – сознанные законы бытия...

(А. И. Герцен, 8, 1)

История мышления – продолжение истории природы: ни человечества, ни природы нельзя понять мимо исторического развития. Различие этих историй состоит в том, что природа ничего не помнит, что для нее былого нет, а человек носит в себе все бывшее свое; оттого человек представляет себя не только как частного, но и как родового.

(А. И. Герцен, 8, 2)

Мы так привыкли к слову, что забываем величие этого торжественного акта вступления человека на царство вселенной. Природа без человека, именующего ее, – что-то немое, неконченное, неудачное... человек благословил ее существовать для кого-нибудь, воссоздал ее, дал ей гласность.

(А. И. Герцен, 8, 2)

Природа помимо мышления – часть, а не целое, мышление так же естественно, как протяжение, так же степень развития, как механизм, химизм, органика, только высшая... Человеческое сознание без природы, без тела – мысль, не имеющая мозга, который бы думал ее, ни предмета, который бы возбудил ее.

(А. И. Герцен, 8, 8)

Без естественных наук нет спасения современному человеку, без этой здоровой пищи, без этого строгого воспитания мысли фактами, без этой близости к окружающей нас жизни, без смирения перед ее независимостью – где-нибудь в душе остается монашеская келья и в ней мистическое зерно, которое может разлиться темной водой по всему разумению.

(А. И. Герцен, 9, 1, 6)

Как будто кто-нибудь (кроме нас самих) обещал, что все в мире будет изящно, справедливо и идти как по маслу. Довольно удивлялись мы отвлеченной премудрости природы и исторического развития, пора догадаться, что в природе и истории много случайного, глупого, неудавшегося, спутанного... Мы вообще в природе, в истории и в жизни всего больше знаем удачи и успехи; мы теперь только начинаем чувствовать, что не все так хорошо подтасовано, как каза-

лось...

(А. И. Герцен, 9, 5, Западные арабески, 1)

Природа никогда не борется с человеком, это пошлый, религиозный поклеп на нее, она не настолько умна, чтоб бороться, ей все равно... Природа не может перечить человеку, если человек не перечит ее законам; она, продолжая свое дело, бессознательно будет делать его дело. Люди это знают и на этом основании владеют морями и сушами.

(А. И. Герцен, 9, 6, 9, 5)

Не замечая нелепости, мы вносим маленькие правила нашего домашнего хозяйства во всемирную экономию, для которой жизнь поколений, народов, целых планет не имеет никакой важности в отношении к общему развитию. В противоположность нам, субъективным, любящим одно личное, для природы гибель частного – исполнение той же необходимости, той же игры жизни, как возникновение его; она не жалеет об нем потому, что из ее широких объятий ничего не может утратиться, как ни изменяйся.

(А. И. Герцен, 12, LVII год республики...)

ПОЗНАВАЕМОСТЬ МИРА

...Нет такого невежды, который не мог бы задать больше вопросов, чем может их разрешить самый знающий человек.
(М. В. Ломоносов, 7)

Брось Коперниковски сферы,
Глянь в сердечные пещеры!
В душе твоей глагол, вот будешь с ним весел!

(Г. С. Сковорода, 1, 28)

Если хотим измерить небо, землю и моря, должны, во-первых, измерить самих себя.
(Г. С. Сковорода, 3)

Тщетно бы человек, одаренный острейшим понятием, своим единым размышлением старался достигнуть до познания вещей – слабый его рассудок на каждой ступени будет спотыкаться, а вещи в уме его совсем противный истине вид будут иметь, так что, преходя из заблуждения в заблуждение, рассудок его в них будет потоплен.
(М. М. Щербатов, 3)

...Как возможно человеку льстить себя достигнуть еди-

ною силою своего рассудка до понятия вышних вещей... Сами ошибки тех именитых мужей могут нам послужить к снисканию истины.

(М. М. Щербатов, 3)

Ибо не будем льстить себя: хотя много веков протекло, хотя много труда, бдения и попечения достойными, прежде нас жившими мужами было употреблено, много еще осталось не откровенно, и все почти может в лучшее совершенство быть приведено.

(М. М. Щербатов, 3)

...Наука пространна, а век короток.

(М. М. Щербатов, 3)

...Дикие народы в знании вещей почти немногим превосходят животных, от которых они, живучи в натуральном состоянии, и сами еще научаются многому.

(Д. С. Аничков, 1, 1)

При возвышающемся познании человеческого о вещах возвышается купно и человеческое понятие о Боге.

(Д. С. Аничков, 1, Положения)

...Душа наша, всегда имея склонность далее поступать и как бы перескакивать с одного места на другое, недолго

углубляется в рассматривании самых вещей и различении оных между собою.

(Д. С. Аничков, 2)

...Всякой истины первым началом почитается знание самого себя...

(Д. С. Аничков, 2)

Хотя философы и ученые говорят непрестанно о презрении славы, о мудрости и о спокойствии душевном, однако ж, невзирая на все их прекрасные и высокопарные изречения, утвердительно можно сказать, что если бы они не были к тому подстрекаемы тщеславием, то невежество и поныне господствовало бы над всем родом человеческим...

(И. А. Крылов, 1, 33)

И когда сам Сократ сказал, что он ничего не знает, то не лучше ли спокойно пользоваться нам наследственным правом на это признание, нежели доставать его с такими хлопотами, каких стоило это покойнику афинскому мудрецу; а когда уже быть разумным невозможно, то должно прибегнуть к утешительному способу – казаться разумным.

(И. А. Крылов, 4)

Законы природы суть незыблемые утесы, вокруг которых напрасно свирепствует океан времени!

(Ф. Н. Глинка, 7)

Идеи... ходят вокруг света, переходят из века в век, из наречия в наречие, из стиха в стих, из прозы в прозу; наконец, они являются в приличной себе одежде, в счастливом выражении и тогда-то становятся достойными принадлежать наследственно человеческому роду.

(К. Н. Батюшков, 4)

Учись знать небо и землю, чтоб не иметь нужды ни в чем, кроме своего мужества.

(Ф. В. Булгарин, 1, 13)

Одна только гордость наша влечет нас к разрешению тайн творения, которые останутся навсегда непостижимыми. Могут ли люди верить мудрецам, когда каждый из них доказывает мнение противоположное?.

(Ф. В. Булгарин, 7)

...Люди, руководствуемые одним своим рассудком, беспрестанно ошибаются в нравственных и физических изысканиях, и потому не должно стремиться за пределы возможного – не смотреть беспрестанно вверх, чтобы на земле не сломать себе шеи, и не рыться всегда в земле, чтобы не сделаться самому ископаемым.

(Ф. В. Булгарин, 7)

Мысль всемогуща в нас, но тот, кто мыслит, слаб;
Мысль независима, но времени он раб.

(П. А. Вяземский, 21)

Бедные люди! Они дали названия вещам несуществующим, пропустили существенное, сами себе закрыли путь к истине тысячью имен, разделений, подразделений... полжизни надобно употребить, чтобы опровергнуть все это, — и полжизни надобно употребить, чтобы выучиться говорить их языком!

(В. Ф. Одоевский, 10)

Не забываем ли мы, что в истине должно быть основание положительное, что всякая наука положительная заимствует свою силу из философии, что и поэзия неразлучна с философией.

(Д. В. Веневитинов, 8)

Я сколько ни принимался читать философские трактаты... все вздор. Они мне всегда напоминают *философский камень* — худший из всех камней, потому что он вовсе не существует, а его ищут. В науке ли, в заседании каком, если человек хочет городить пустяки, общие взгляды, недоказанные гипотезы, он сейчас оговаривается тем, что это только

философское, т. е. не дельное воззрение.

(А. И. Герцен, 5, 1)

А между тем опыт – беднейшее средство познания.

(А. И. Герцен, 6, 1)

Для того чтоб сделать дельный вопрос, надобно непременно быть сколько-нибудь знакому с предметом, надобно обладать своего рода предугадывающею проницательностью. Между тем, когда наука молчит из снисхождения или старается вместо ответа показать невозможность требования, ее обвиняют в несостоятельности и в употреблении уловок.

(А. И. Герцен, 6, 1)

Истинное осуществление мысли не в касте, а в человечестве; она не может ограничиваться тесным кругом цеха; мысль не знает супружеской верности – ее объятия всем; она только для того не существует, кто хочет эгоистически владеть ею.

(А. И. Герцен, 6, 3)

Наука – живой организм, которым развивается истина.

(А. И. Герцен, 6, 3)

...Увеличение знаний, не имеющее никаких пределов, обусловливаемое извне случайными открытиями, счастли-

выми опытами, иногда не столько радуется, сколько теснитум.
(А. И. Герцен, 8, 1)

Наука одна; двух наук нет, как нет двух вселенных; спокон века сравнивали науки с ветвящимся деревом – сходство чрезвычайно верное; каждая ветвь дерева, даже каждая почка имеет свою относительную самобытность; их можно принять за особые растения; но совокупность их принадлежит одному целому, живому *растению этих растений* — дереву; отнимите ветви – останется мертвый пень, отнимите ствол – ветви распадутся.

(А. И. Герцен, 8, 1)

Философия есть единство частных наук; они втекают в нее, они – ее питание...

(А. И. Герцен, 8, 1)

... Человек больше у себя в мире теоретических мечтаний, нежели в многообразии фактов... Факты – это только скопление однородного материала, а не живой рост, как бы сумма частей ни была полна.

(А. И. Герцен, 8, 1)

Дело науки – возведение всего сущего в мысль.

(А. И. Герцен, 8, 2)

Начало знания есть сознательное противоположение себя предмету и стремление снять эту противоположность мыслию.

(А. И. Герцен, 8, 3)

Философия, что бы ни принялась оправдывать, оправдывает только разум, т. е. себя.

(А. И. Герцен, 8, 4)

Есть истины... которые, как политические права, не передаются раньше известного возраста.

(А. И. Герцен, 9, 1, 6)

Диалектическая метода, если она не есть развитие самой сущности, воспитание ее, так сказать, в мысль, — становится чисто внешним средством гонять сквозь строй категорий всякую всячину, упражнением в логической гимнастике, — тем, чем она была у греческих софистов и средневековых схоластиков...

(А. И. Герцен, 9, 4, 25)

Нет той логической абстракции, нет того собирательного имени, нет того неизвестного начала или неисследованной причины, которая не побывала бы, хоть на короткое время, божеством или святыней. Иконоборцы рационализма, сильно ратующие против кумиров, с удивлением видят, что по

мере того, как они сбрасывают одних с пьедесталей, на них появляются другие. А по большей части они и не удивляются, потому ли, что вовсе не замечают, или сами их принимают за истинных богов.

Естествоиспытатели, хвастающиеся своим материализмом, толкуют о каких-то вперед задуманных планах природы, о ее целях и ловком избрании средств... Это фатализм в *третьей* степени, в кубе; на первой кипит кровь Януария, на второй орошаются поля дождем по молитве, на третьей – открываются тайные замыслы химического процесса, хвалятся экономические способности жизненной силы, заготавливающей желтки для зародышей и т. п.

(А. И. Герцен, 9, 6, 9, 2)

ЖИЗНЬ ЗЕМНАЯ И ВЕЧНАЯ

Но как ни горестен был век мой, я стенаю,
Что кончается сей долгий страшный сон.
Родился, жил в слезах, в слезах и умираю.

(А. П. Сумароков, 6)

Но если человек, последуя существу своей природы, захочет жизнь свою учинить длиннее, нежели природою она ему положена, если хочет расширить круг, стесняющий его, и разумом своим пренестися во все времена и во все страны – да соответствует прилежание его его желаниям. Творец наш дал все к тому... нам остается им воспользоваться.

(М. М. Щербатов, 3)

Уверение о великости нашего существа и о великости того, что определено для нас в будущей жизни, естественно побуждает нас ко простиранию проникания нашего в будущее и заставляет нас пещися о том, что после нас последует.

(Н. И. Новиков, 6)

Боле счастливый боится,
Чем несчастный, умереть.

(В. В. Капнист, 1)

Люди должны бы были непрестанно помышлять о двух вещах: во-первых, о краткости здешней жизни, и во-вторых, о бесконечности продолжения будущей.

(И. А. Крылов, 1, 2)

Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратит?
Не слаще мертвых сон под мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть их бременит.

(В. А. Жуковский, 2)

И кто с сей жизнью без горя расставался?
Кто прах свой по себе забвенью предавал?
Кто в час последний свой сим миром не пленялся
И взора томного назад не обращал?

(В. А. Жуковский, 2)

Что жизнь, когда в ней нет очарованья?
Блаженство знать, к нему лететь душой,
Но пропасть зреть перед собой;
Желать всяк час и трепетать желанья...

(В. А. Жуковский, 5)

...Что счастием для нас в минутной жизни было,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.